

Машкин и Суворов

Сергей Москвич

Сергей Москвич
Шишкин и Суворов

«ИП Москвич И.К.»

2020

Москвич С. Н.

Шишкин и Суворов / С. Н. Москвич — «ИП Москвич И.К.»,
2020

ISBN 978-5-6041306-6-7

«Шишкин и Суворов» – замечательная приключенческая книга об озорном проказнике Генке Шишкине и его друзьях. После выхода первой книги «Шишкин и Пушкин», автор получил множество писем с просьбой о продолжении истории. Так, спустя три года, родилась и вторая книга. Она рассказывает о таинственных путешествиях в прошлое, встречах с самим генералиссимусом Суворовым и даже об участиях в битвах. Книга о дружбе, о просыпающемся интересе девочек к мальчикам и наоборот. Книга о формировании личности и характера подростка. Удивительно, но все исторические факты описаны верно, а легкая и немного ироничная манера изложения переносит читателя в мир веселых и таинственных авантюр.

ISBN 978-5-6041306-6-7

© Москвич С. Н., 2020
© ИП Москвич И.К., 2020

Содержание

Орлята учатся летать	5
Четверка на двоих	10
Ноль с минусом	14
Сапог и валенок	17
Огненный глаз шамана	19
Новобранец	23
Пленный физик	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Москвич Шишкин и Суворов

Орлята учатся летать

Городок наш маленький да к тому же еще и северный. Далекий очень от всего остального, что есть на свете. Как сказал наш физрук Абливин Юрий Сергеевич: «Редкая птица сюда долетит и не сдохнет, если не тренируется». Правда, сказал он это, когда Ромка Муха с брусьев свалился на уроке физкультуры. Свалился на маты и лежит. Тут бы все ничего, ну, лежит Муха и лежит, полежит и встанет, но нет же...

Сережа Самсонов, отличник по всем видам школьных наук, как всегда, решил нарисоваться. Он прошел к брусьям мимо Ромки, ловко так запрыгнул на снаряд и хлоп – стойку на плечиках. Умница, короче. Его так все учителя называли.

– Молодец, Самсонов! – улыбнулся физрук. – Давай соскок! А ты, Мухамаддеев, отползай!

Муха почти по-пластунски, пузом, съехал с матов, а на его место Самсонов – бац – и приземлился. И встал, как Гагарин на пьедестале, – сам в струнку, а руки вниз и в стороны. И гордо так смотрит на плафоны на потолке. Как будто там космос. Вот за такие штуки мы его и не любили, и звали Самсонькой. Хотя он сам себя Самсоном предпочитал называть. А потом мускул на руке напрягал, чтобы сильным казаться. Говорил, что такой бицепс даже под пиджаком читается. Но только мы его пиджак не читали и за своего совсем не принимали. Мы, пацаны, сами по себе, а Самсонька – он как бы с учителями, на другой стороне. Поэтому в этот раз Генка Шишкин не выдержал и выскочил из шеренги.

– Эх ты, Самсоня недоделанный, а говорил, что добрый сам – муху не обидишь! – Генка скорчил Самсоньке рожу и вскочил на брусья.

– Шишкин, а ну, слезай со снаряда! – строго крикнул физрук. – А то опять убьешься!

– Смотри, Самсонька, – крикнул Генка, не обращая внимания на учителя, – а ты так можешь?

Вскочил он на брусья ногами и прям оттуда, с верхотуры, раскорякой крутанул сальто. Весь наш седьмой «А» так и ахнул. Только прилетел Генка не на маты, как бы надо было, а прям в физрука. Тот его поймал на руки, совсем как жених невесту, только с другим настроением. Потому что опустил он летуна на землю и сразу за ухо схватил:

– Шишкин, ты не только себя, – по слогам проговорил Абливин, – ты и меня мог инвалидом сделать!

И вот тут распахнулась дверь, и в спортзал вошла целая толпа народу с директором школы Хурсенко Пал Васильичем во главе. Мы его меж собой Хурсей звали, даже не знаю почему.

Вваливается вся эта кавалькада в спортзал, и все важные такие. У каждого борода, очки и лысина сверху, как положено. От них в зале даже как-то светлей стало. Сразу видать, что ученые, может быть даже светила. Мы все в шеренге замерли и на них смотрим. А Абливин Шишкина за ухо сразу бросил держать и уже по голове начал гладить.

– А мы к вам в гости, Юрий Сергеевич, – сказал Хурся и лицо сделал доброе и внимательное. – Не помешаем? Мы тут на минуточку...

– Так мы уже закругляемся, – ответил физрук и рукой, словно по набивному мячу, по Генкиной голове погладил. – Так что милости прошу!

– Вот, товарищи, спортзал, – уже более серьезным тоном продолжил директор, обращаясь к вошедшим, – самое просторное помещение в нашем городке, для экспозиций лучше и не сыскать. Подходит?»

Гости стали оглядываться по сторонам и, как говорит наша классная руководительница, начали выражать эмоции. Головами друг другу кивают, губами чмокают: мол, а ничего зальчик, вполне себе так... Тут Хурся к нам повернулся и говорит:

– Ребята, вам несказанно повезло, ведь к нам приехали настоящие ученые, археологи, – он поднял вверх указательный палец и расширил глаза. – Прямо из полевой экспедиции! И искали они знаменитую Мангазею – почти сказочный город, который наши предки основали на Крайнем Севере давным-давно.

– И что? Нашли? – спросила одна из девчонок, Лерка Малютина.

– Представьте себе – да! – довольным голосом ответил директор. – И вы, счастливики, будете первыми во всей нашей необъятной стране, кто увидит настоящие предметы быта и домашнюю утварь жителей исчезнувшего города! Да что там в нашей стране, вы будете первыми в мире исследователями этих таинственных находок! Вспомните золото античной Трои, которую разыскал настырный немецкий кладоискатель Генрих Шлиман. Ах! Это же сопоставимые сенсации!

Хурся заломил сцепленные руки и закатил глаза, совсем как кающаяся Магдалена на картине¹, которую мы смотрели на каникулах в Уральском музее. Точь-в-точь, только юбок на нем не было.

Мы были потрясены и, разинув рты, во все глаза смотрели на археологов. Теперь они уже не казались тощими очкариками с плешивыми шевелюрами, а как-то сразу преобразились. Покрытые мужественным загаром лысины сверкали там и сям по спортзалу, по которому изыскатели разбрелись и стали осматривать спортинвентарь.

Двое из них с любопытством склонились над гимнастическим козлом, хотя в нем не было ничего интересного. Тем не менее один даже похлопал его по кожистым бокам и спине. Может быть, они пытались определить где у козла зад, а где перед, не знаю. Очень похоже было. Хотя у таких снарядов, куда ни посмотри, везде одинаково. Но нам всем казалось, что все это неспроста. Ну, не станут же именитые ученые хлопать козла по заду просто от нечего делать! Так оно и вышло.

Подходит один из ученых к Хурсе и, почесав нос, говорит:

– Все это здорово, все равно другого зала нет, но здесь же спортивное оборудование... – он выразительно провел по воздуху охватывающим жестом. – А ведь придет весь город!

Хурся, обхватив ученого за плечи, пошел по залу опять разглядывать снаряды и что-то объяснять. Взглянули они на брусья, постучали по бревну и вновь похлопали по спине не только гимнастического козла, но и коня. Затем подошли к канату, который свешивался с потолка, и подергали каждый по очереди. Всем стало ясно, что снаряды будет лучше куда-то убрать. А физрук Абливин тоже рядышком шел и головой кивал. Наконец, когда директор с археологом закончили обсуждение, он нетерпеливо встрял в разговор:

– Пал Васильич, так ведь это же не проблема – снаряды убрать, вон у меня седьмой «А» наготове, смотрите, какие орлята! – он горделиво повел плечами. – Сейчас махом все задвинем и спрячем!

– А что, действительно, – Хурся согласно качнул седой шевелюрой. – Ну, что, орляки, не будем откладывать!

Физрук сразу засуетился и стал раздавать команды направо и налево. Меня с Ромкой и другими ребятами отрядили коня передвинуть в запасник, девчонки козла покатили, и пошло-

¹ Картина знаменитого художника Рубенса в городке Ирбит Свердловской области, и это настоящая правда.

поехало. Одни бревно к стенке притиснули, ну, а брусья почти всем классом загнали в самый угол. Спортзал сразу как будто больше стал.

Директор вместе с физруком и учеными стали ходить по обширному пространству, шагами меряя, куда можно столы для экспонатов поставить. Ходили-ходили, меряли-меряли и пришли к канату. А он никуда не делся. Висит себе сам сверху донизу и даже не шевелится.

– Ага, а вот эту веревку тоже было б полезно куда-нибудь прибрать, – только и успел сказать маститый ученый, как у него из-под руки вынырнул Генка Шишкин.

– Да это раз плюнуть! – сказал он, плюнул на руки, обтер их об канат и шасть наверх.

– Куда?! – крикнул физрук.

– Куда?! – крикнули мы все, но было поздно.

Шишкин взлетел по канату, словно маргышка за бананом, раз – и уже под потолком. И секунды не прошло, а он уже с креплением возится. Там в потолок крюк был вбит громадный, а канат за металлическое ухо к нему подвешен.

– Шишкин! – заревел физрук. – Брось канат и быстро вниз!

Как потом нам Генка сказал, вот эта команда его и сбила с толку. Он отстегнул от крюка канат и бросил вниз. Все почти как по команде. А сам на крюке болтается на одной руке. Под самым потолком. А высота в спортзале, сами знаете, метров шесть с половиной. Там же и в волейбол играют, и хором поют на праздники, и вообще.

– Шишкин! – в панике закричал директор. – Быстро спускайся!

Но даже авторитетный голос главы всей нашей школы все-таки не разрешил проблемы.

– Не могу! – пискнул Шишкин. – Высоко очень!

Он, как птенец из гнезда, смотрел на нас с потолка, и вдруг все поняли, что ситуация серьезная.

– Держись, Генка! – закричали мы и бросились за матами.
– Сиди там, не уходи никуда! – почему-то крикнул физрук Абливин. – Сейчас маты принесем!

– Не могу я долго, крюк ребристый, – захныкал Генка. – Руки режет!

И тут сбегаются все ученые археологи, и ловко так встали в круг, и руки друг друга замком сцепили. И физрук с ними.

– Как ты там, Шишкин? – закричал Абливин.

– Лечу я, Юрий Сергеевич! – и свалился вниз.

Поймали его ученые целого и невредимого и долго потом по плечам хлопали и приговаривали:

– Ну, Шишкин, ну и орел!

Вот так вот мы и стали орлятами, правда, полетал только один Генка.

Четверка на двоих

Вот незадача так незадача! Как же я забыл, и Генка тоже! У нас же литра сегодня первая... То есть литература, конечно. Просто мы между собой звали литературу и физкультуру литрой и физрой. Это когда в табличку в дневнике предметы вписываешь, а ни та, ни другая не влезает. Вот и приходится писать через черточку – «лит-ра», «физ-ра». Да и в разговоре удобнее, короче получается, и почти все понимают. Правда, каждый по-своему.

У нас с Генкой даже как-то конфуз вышел. Идем мы однажды из школы мимо нашего гастронома «Снежинка» и расписание занятий обсуждаем. Генка и говорит:

– А на следующей неделе у нас две литры будет.

А на крыльчке местный алкоголик Фисюк стоит. Отпетый бичара. Он Генку услышал и сразу:

– Две литры? О, пацаны, а можно я с вами!

Псих какой-то. На Салтыкова со Щедриным его потянуло. Но это давно было, месяц назад. А вот сегодня...

Мы с Генкой сидели на третьей парте в среднем ряду, и прятаться нам было некуда. Ни он, ни я домашнее задание не только не сделали, а даже не узнали, какого писателя проходим. Я два дня проболел и забыл про литературу. Всё книжки читал, поэтому-то про литературу и забыл. А Генка археологам в спортзале все это время помогал экспонаты по столам раскладывать, и у него тоже все уроки из головы вылетели. Там же, в спортзале-то, Мангазея кругом. Вот мы и приплыли оба.

Генка туда-сюда повертелся на парте, и ребята ему шепнули, что Горький у нас сегодня. И действительно, несладко нам пришлось. Альбина Михайловна, наша литераторша, пошла по рядам и стала раскладывать бумажные полоски. Это у нее манера такая, домашнее задание проверять – лит разминка называется.

– Сегодня, ребята, в качестве разбега на весь урок разминка-пятиминутка, – Альбина прошуршала юбками мимо нас, оставив на парте две белых и тревожных, как из телеграммы, ленточки. – Помните, какие крылатые выражения встретились вам в домашнем задании.

Мы разом схватили бумажки, прочитали каждый свою, а затем чужую и уставились друг на друга. На Генкиной было написано: «Рожденный ползать – ... (закончить предложение), а на моей: «Безумству храбрых – ... (закончить предложение). Мы, взглянув друг на друга и не говоря ни слова, поменялись полосками. Легче не стало. Поменялись опять – то же самое. И мы начали тихо-тихо обсуждать варианты.

– Я свой знаю, я в телике видел, один мужик говорил, Райкин, кажется: «Рожденный ползать – везде пролезет!» – возбужденно проговорил Шишкин.

– Этот мужик, он хоть и Райкин, но точно не Горький, тот помер уже, – нахмурился я. – Как-то не похоже совсем...

– А может, это про летчика Маресьева, он же тоже ползал тогда очень долго? Рожденный ползать – ползет с гранатой, например. Или так: рожденный ползать – ползет с наганом! – Генка уставился на меня. – Это разве не Горький написал?

– Про Маресьева Полевой написал, – шепнул я.

– Какая разница – горький, полевой, – скривился мой приятель. – И тот и другой – прилагательный. Ладно, спрошу Раскина.

Женя Раскин – и пацан хороший, и хорошист к тому же, вот только сидит далеко. Расслышать-то Генку он расслышал, а как подсказать? Он начал махать ладошками, как птичка крылышками, сначала медленно, затем быстрее, еще быстрее, а затем рожу плаксивую сделал и лбом об парту – хлоп. Не получается вроде как. Генка быстро записал увиденное на бумажку и повернулся ко мне.

– Ну, а ты как?

– Не знаю, скажу честно, что болел... – промямлил я. – Безумству храбрых, а что дальше?

– А может, безумству храбрых – легко в психушке? – неуверенно предложил Шишкин. – Ведь если храбрый безумствует, то его любой псих испугается!

– Ладно, может, и не спросит, – тихо, со слабой надеждой сказал я.

Только так не бывает. Вот скажите мне, пожалуйста, откуда учителя знают, что ты домашнюю работу не сделал? Всегда делал, и не спрашивали, а тут один раз пропустил, и все – давай отвечай! Так и в этот раз было. Альбина, задрав подбородок, обратилась ко всему классу:

– Ну, как, готовы?

И сразу лес рук. Наши руки тоже там, чтобы из толпы не выделяться. Но у литераторши глаз наметанный и нюх тоже. Хотя разве бывает нюх наметанный? Это просто мы с Генкой так волнуемся. Короче, то ли нюхом, то ли глазом она нашу парочку выцепила.

– Давайте, третья парта, отвечайте, – Альбина, вздернув голову и чуть выпятив нижнюю губу, со снисходительной печалью посмотрела на нас. – Кто первый?

Я, виновато склонив голову, начал вставать.

– Нет-нет, пусть лучше Шишкин, – вдруг прервала мое вставание учительница.

– А вот почему, как только первый, – вскочил Генка, хлопнув крышкой, – Так сразу Шишкин, а не он?

Литераторша сразу выгнула бровь коромыслом и стянула губы в точку. А затем сощурилась на Генку:

– Потому что он, как ты говоришь, может быть, и знает крылатое выражение, а вот ты, Шишкин, почти наверняка – нет.

Она, лихо развернувшись, пошла к учительскому столу.

– А вот и знаю! – радостно объявил мой приятель ей вдогонку.

– Да?! – обернувшись, неподдельно удивилась Альбина.

– Да! – гордо ответил Шишкин и сразу с места в карьер: – Рожденный ползать!..

– Стоп-стоп-стоп, – прервала его литераторша. – Сначала скажи название произведения, затем кто автор и само крылатое выражение.

Генка не ожидал такого подвоха. Со всех сторон сразу сдавленными голосами покатила лавина подсказок, в которых отчетливо можно было разобрать слово «песня». Генка тряхнул головой и, кашлянув для порядка, выдал:

– Песня! – Пауза. – Горького!

– Ну, допустим, – кивнула Альбина. – А о ком?

– О свободе! – наугад долбанул Шишкин и почти попал.

– Хороший ответ, но я спросила о ком, а не о чем!

– Значит, равенство и братство тоже не подходят... – пробормотал Генка, насупился и замолчал.

– Не подходят, Шишкин, – литераторша подошла к учительскому столу и стала раскладывать какие-то книжки. – Ладно, а крылатое выражение? Если скажешь правильно, поставлю четыре, а если нет – два, не обессудь.

Настал момент истины для Генки. Он выразительно оглянулся на Раскина и тот в ответ энергично закивал головой. Затем почему-то толкнул меня ногой, типа, ну, я готов, и провозгласил:

– Рожденный ползать – летит и плачет!

Весь класс захихикал, а Женька Раскин не выдержал и вскочил:

– Шишкин! – заорал он и захлопал крылышками. – Смотри: вот – летать! А вот так, – Раскин сделал горестную мину и спикировал в парту, – не может!

– Спасибо, Раскин, – холодно произнесла Альбина, – Правильно, крылатое выражение: «Рожденный ползать – летать не может!» Я думала, что ты, Геннадий, это понял еще в спортзале, когда канат снимал! Так что – два, как договаривались.

– А я? – я встал, пытаюсь казаться честным.

– Хорошо, а что у тебя?

– Я два дня болел, и у меня была температура! – опустив глаза, промямлил я.

– То есть прочитать «Песню о Соколе» тебе температура помешала?

– Да я выучу...

Литераторша взяла с меня слово, что к следующему уроку я и о Соколе, и о Буревестнике, обе песни вызубрю как из пушки. Я и правда про всех птиц Горького и не только его был готов выучить в этот момент, да и не только песни. Но она тем не менее пока в журнале точку поставила, чтобы я не расслаблялся.

– Эх, ты, – буркнул Генка. – Мог бы тоже двойку получить, я бы папке сказал, что нашей парте четверку на двоих поставили...

Ноль с минусом

Следующей была физика, где Генка сначала позорно обнаружил штопор в «правиле буравчика», и физик Лукьянов Константин Маркович, прозванный за это Лукомором, мягко пожурил его за такой ляп.

Затем произошло уже более значительное происшествие, а именно то, что любимая кассета Лукомора с записями ансамбля «Битлз» вдруг оказалась на громадном черном динамике. Большом мрачном конусе с металлической блямбой на макушке. Эту штуку наш физик, страстный любитель рок-н-ролла, намеревался вставить в большую звуковую колонку. Чтобы как раз вечером и слушать этот самый «Битлз» во всю мощь. Так уж и получилось, что и пленка, и динамик именно поэтому оказались на учительском столе. Хотя лежали они на разных концах столешницы, и все было хорошо.

Пока не появился Генка. Он вызвался помогать Лукомору с опытами по вращению рамки с током в магнитном поле. И помог. Физик возился с замыкателем цепи, проводами и магнитами, а Генка рядом суетился. То с одного конца сунется, то с другого, чтобы лучше помогать. Здесь штепсель подержит, там рамку.

А потом кассету увидел с иностранными словами. Интересно же. Он взял ее только посмотреть и наклейку прочитать, и все. И перешел к другому концу стола, чтобы опыту помогать. И тут физик в его руках кассету увидел. И разорался:

– Шишкин, положи кассету!

Генка сразу же послушно ее положил. Прямо сверху на динамик. Он лицом вниз лежал, а металлической блямбой, то есть магнитом, кверху. И что получилось? Кассета размагнитилась, и вся ливерпульская четверка скоростно исчезла из нашего городка.

Лукомор, как подводная лодка в пучину, погрузился в траур, потому что больше ни у кого на тыщу километров вокруг такой кассеты не было.

– Шишкин! – Он опустошенно плюхнулся на стул. – Ты соображаешь, что ты наделал? Тебе не то что двойка или кол, тебе ноль и то много будет! Быстро неси дневник!

И вкатил Генке единицу с минусом.

А дальше была история. Я имею в виду урок истории, конечно. Потому что разное могут подумать. И вот на ней-то, на истории, Генка и хотел отыгаться за все полученные двойки. Мы как раз Семилетнюю войну проходили, там, где наши русские военачальники Апраксин, Бутурлин и, конечно, Суворов побеждали всех подряд. Особенно Александр Васильевич старался.

Как говорила наша историчка, если Пушкин – это наше все, то Суворов – это наше даже больше. Вот и пойми их, учителей, как это – больше чем все! Хотя, безусловно, Суворов был знатным полководцем, и Шишкин читать про него любил. Всю библиотеку излазил и все книжки про Суворова прочитал. Так что по истории он сегодня был готов на всю пятерку, даже даты главных битв зубок выучил! И тут вдруг историчка все перерешила.

– Ребята, – обратилась она к нам, – сегодня мы воспользуемся случаем и послушаем рассказ знаменитого московского профессора археологии, который прочтет нам лекцию об увлекательнейшей части истории родного края – о таинственной и богатой Мангазее!

Тут меня в медпункт вызвали, и весь урок истории я пропустил, так что дальше – как мне Генка рассказал.

Весь класс, как утята за уткой, потопал за учительницей к спортзалу, где учеников уже ждали разложенные по столам экспонаты, а также худющий и высокий профессор из Москвы. Столичный археолог стоял параллельно громадной указке, которую он держал в правой руке. Вдвоем они, профессор и указка, подобно непересекающимся прямым, очень напоминали методическое пособие по геометрии и выглядели настолько солидно, что все даже заробели.

– Проходим, проходим ребята, – засуетилась учительница, – становитесь полукругом. Мы, неуклюже толкаясь, сортировались по рядам, а историчка нами хороводила:

– Чавлюк, ты ж дылда такая, встала в первый ряд! – закричала она. – Задвинься во второй, а то всем загородила.

Галя Чавлюк, про которую учителя говорили, что «девочка оформилась», не слышала историчку. Влюбчивая от природы, она всегда вгоняла в краску мужественную половину взрослого человечества и для этого становилась в первый ряд. И в этот раз ее пушистые ресницы и белобрый челка разили наповал очередную жертву, теперь уже столичного масштаба.

– Ой, вы такой ученый... – чуть нараспев выдохнула Галя и обмахнула археолога роковыми ресницами. – А Мангазея – это серьезно?

Ученый смущенно кашлянул, не открывая рта, затем растерянно поправил лысину и стал смотреть на верную и спасительную указку.

– Профессор, – с мольбой в голосе призвала учительница, – давайте уже приступим!

Профессор сразу, без раскочки, начал лекцию и, словно фехтовальщик рапиру, стал нацеливать длинную палку то на один, то на другой предмет на столах. Сначала он заметно нервничал, но постепенно вдохновение стало распалать его все больше и больше. В итоге он отставил указку в сторону и, страстно воткнув указательный палец в воздух, проговорил:

– Мангазея златокипящая, так называли наши далекие предки этот таинственный и богатый город! Заполярная Тортуга²! Здесь собирались «веселые людишки» со всей Руси великой – разбойники, беглые каторжники, кабальные крестьяне, вольные казаки, все те, кто искал свободы, счастья и богатства, разумеется. Город рос, торговля ширилась, а потом вдруг все исчезло...

– А что, если по рукам?! Извините, профессор, это я не вам... – историчка вежливо улыбнулась археологу и опять повернулась к классу. – Шишкин, не трогай экспонаты!

Шишкин стоял в стороне и вертел в руках бронзовую пластинку овальной формы с дыркой посередине.

– О! – оживился профессор и подошел к нему. – А это удивительный артефакт, бронзовый глаз шамана³. Дело в том, что до прихода стрельцов и власти Москвы в Мангазее не было церквей или других ритуальных сооружений, и в вопросах культа и семейных обрядов местные жители иногда даже обращались к шаманам. По преданию, мангазейский шаман, пользуясь этим глазом, мог видеть, что случилось на самом деле, и поэтому никто не осмеливался ему врать, а по одной из легенд он даже мог отправиться в прошлое и предотвратить злодеяние или катастрофу. То есть он мог менять настоящее из прошлого, но, безусловно, это всего лишь миф, не более...

– А он и влюбленные пары регистрировал? – Галя Чавлюк опять появилась в опасной близости к профессору. Она плотно держала его под пушистым прицелом, и ученый неуверенно отодвинулся, избегая томного взгляда.

– Что? – переспросил маститый служитель науки.

– Он венчал влюбленных? Как в церкви? – мечтательно проговорила наша одноклассница.

– Чавлюк, – одернула историчка влюбчивую Галю, – это дурацкий вопрос, я тебе потом объясню!

Дело происходило, как мы помним, в спортзале нашей школы, который директор, Хурсенко Павел Васильевич, милостиво предоставил под временную экспозицию находок археологической экспедиции. И во время урока он сам тихонечко вошел и встал в стороне, время от времени кивая седой головой.

² Пиратская столица на острове в Карибском море в XVII веке.

³ Бронзовый глаз шамана был найден в 1985 году на Таймыре археологами Заполярной экспедиции Академии Наук СССР.

– Действительно, ребята, – Хурся подошел к ученикам с назидательной речью, – нет бы поблагодарить ученых, знаменитых, между прочим, за интересный рассказ по истории родного края, а ты, Шишкин, например, руками лезешь! И ты, Чавлюк, ставишь ученого своими вопросами в неловкое положение!

Галя еще раз обожгла профессора прожекторами голубых и распахнутых настуж глаз, да так, что он аж зашатался. А затем повернулась к директору.

– Ах, Павел Васильевич, – сказала она с придыханием. – Ничего вы не понимаете! А вот у меня на свадьбе обязательно будет шаман!

Генка стоял, слушал и смотрел в сторону. Что ему Чавлючка со своими влюбленностями или ученый с Мангазеей! Все не заладилось у него в этот день, и чего еще ожидать, было уже и не понятно. Поэтому он решил, что хуже быть точно не должно, тем более что оставался только один урок – география. Ну, не могут же одному и тому же ученику в один день на всех уроках двойки ставить или отчитывать! Так даже в кино не бывает!

Сапог и валенок

Поэтому на географию он пришел полностью закаленный плохими отметками и с совсем другим настроением. Учебное занятие началось, как обычно, скучным шелестом карт, которые развешивала географиня, и шушуканьем учеников по всем рядам. Генка сидел на месте и крутился волчком от нетерпения, ожидая меня.

Я, наконец, вернулся из медпункта, куда надо было отдать справку и показать горло врачихе. Она залезала туда железной линейкой, попросила сказать «А!» и поругала меня за больной зуб. Теперь же я уселся с Генкой бок о бок, и его распирали впечатления. Он сразу придвинулся ко мне.

– Там золото прямо булькает, в этой Мангазее, так профессор очкастый говорил – шкварчит, как на сковородке! – Мой приятель смотрел на меня выпученными для убедительности глазами и руками показывал, как шкварчит золото.

А у доски уже стояла географиня и, приподняв очки, близоруко рассматривала восточное полушарие на карте. На нем еще на перемене Ромка Муха карандашом нарисовал верблюда с тремя горбами, который гулял по просторной Африке. Училка, взяв ластик, принялась сгонять животное прямо в Атлантический океан, чтобы оно не мешало усвоению материала. В конце концов верблюд благополучно утонул в соленых водах или просто исчез, и урок начался.

– Горная система Альп захватывает Францию, Италию, Германию и даже Швейцарию... – наша педагогиня начала монотонно и нудно очередное географическое заклинание.

Но Генка и я не слушали учительницу, нам было не до этого.

– Это называется Мангазея, э... Как ее там? Златошкварчащая! Вот! Она такая древняя – старше нашей уборщицы Фаины! Город такой! Или страна! – Генка аж захлебывался от возбуждения. – Они в древности руду брали из Норильска, потому что там норы кругом, а в норах золотая руда бурлит!

– Ух ты! И надолго эти археологи к нам приехали?

– Не знаю, а еще мангазеки, ихние жители, из Воркуты уголь таскали, чтобы руду растопить. То есть расплавить. И они золота столько наплавили и накопили, ужас просто!

– И что?

– Как что? Золото же, оно тяжелое, а они там все амбары им набили, Мангазея тоже тяжелой стала, и они всем городом под землю провалились. Утопли, как Атлантида! Из-за жадности!

– Ничего себе!

– Ну да, а ты заболел и ничего не увидел!

– Шишкин! И что это ты такое интересное рассказываешь? Видимо, про Италию? – внезапно раздался противный голос географини, и она склонилась над нашей партой. – Вот сейчас нам Шишкин и покажет на карте, где эта самая Италия и есть!

Шишкин вскочил и замер по стойке смирно. Училка с доброй ненавистью смотрела на него иллюминаторами очков, прямо как «Титаник» на айсберг.

– Марш к доске!

Шишкин понуро поплелся к развешанным картам и обреченно оглянулся на класс. Такого не могло быть! Неужели опять два? Сколько же можно! Все сразу зашептали: «Сапог!» Шишкин встал перед картой и стал неуверенно водить по ней указкой. И где тут тот сапог, кто его знает?

– Левее! Левее! Сапог! Сапог! – громко шептал весь класс.

Все стали высовывать ноги в валенках в проход и показывать на обувь, а Раскин даже снял валенок с ноги и поднял над головой. Географичка стояла спиной к классу и всего этого не видела, но подсказки не очень помогли.

Шишкин шурился на карту и осторожно водил указкой по морям и океанам, мысленно примеряя валенок к контурам на карте. Наконец, он остановил ее на Аравийском полуострове.

– Вот он, валенок, нашел, – счастливо сказал он и взглянул на географиню.

– Эх, Шишкин, сказала бы я, кто валенок, да проще тебе двойку поставить! – горестно покачала она головой и пошла к школьному журналу. – Правильно тебе ребята подсказывали – вот она, Италия, – как сапог, в самой середине Средиземного моря.

Шишкин посмотрел на Италию – и правда сапог, а потом на Аравийский полуостров – вылитый валенок. Он вздохнул и пошел на место.

– Что ж ты мне неправильно показывал, – буркнул он Раскину.

– Так зима же, все в валенках ходят! Где сапог-то взять?

Генка вдруг застыл и отрешенно поглядел на Женьку.

– Я знаю кто во всем этом виноват! – он стеклянно взглянул сначала на Раскина, потом на меня, а потом на двойку в дневнике.

– Кто? – хором спросили мы.

– Мангазея! – громким шепотом выдохнул Генка и стал медленно собирать портфель. – Я тронул бронзовый глаз мангазейского шамана, и он меня проклял!

– Генк, – я попытался его успокоить, – да брось ты, ерунда это все! Какой глаз, какой шаман! Так же только в сказках бывает!

Вскоре раздался звонок, и все вышли в коридор. И тут к Шишкину и Раскину подходит учитель по физике, Лукьянов, ну, который Лукомор, и говорит:

– Шишкин, у тебя опять два за контрольную на прошлом занятии, а сегодня еще кол с минусом! Так и за полугодие можно два получить! Смотри, Шишкин!

Видно, очень он расстроился, что без рок-н-рольной музыки придется обходиться. Бедный Генка! Мы с Женькой молча стояли и смотрели на нашего друга.

– А может, это правда – проклятие Мангазеи? – не очень уверенно спросил я.

– А ты там, у археологов, еще раньше, ну, когда помогал им с экспонатами, ничего такого не сделал, случайно? – в голосе Раскина тоже тревога мешалась с суеверностью.

– По географии и литературе – два, по физике – кол с минусом, по истории – обругали, директор – наорал. А вчера еще Автодел, который химичку заменял, плохое поведение в дневник записал. Что делать? Куда идти? – не отвечая на наши вопросы, вздохнул Шишкин и побрел по коридору.

А ведь действительно, Генку со вчерашнего дня судьба мутузит. Я даже и забыл, что накануне как раз химичка заболела, и Автодел, так мы учителя по автоделу, Автандила Нугзаровича, называли, ее подменял. Он хоть и невредный был, как все грузины, но на Шишкина все равно наругался, за баловство. Это когда Автодел кислоту в аккумулятор наливал, а Шишкин... ох, лучше и не вспоминать.

Наверное, поэтому мы и остались стоять, глядя Генке в спину, и он в конце концов обернулся.

– А спрячусь-ка я в спортзале! А то опять отец шлангом от стиралки выпорет. Только никому... – Он вытаращил глаза и выразительно прикрыл рот ладошкой.

А потом приложил палец к губам, головой мотнул из стороны в сторону, развернулся и потопал дальше. А мы с Раскиным домой побежали.

Огненный глаз шамана

Генка решительно и в то же время осторожно прокрался по коридору до самого угла. За поворотом еще тише проскользнул мимо комнаты уборщиц, где старая техничка Фаина шмыгала чай из блюдца. И вот наконец-то высокая дверь в спортзал. Беглец от синего отцовского шланга оглянулся на тусклый свет в конце коридора, где еще раздавалось мягкое шлепанье валенок уходящих по домам учеников. Затем, выдохнув, потянул дверную ручку и просунулся в темную и поэтому казавшейся густой пустоту спортивного зала.

Вот здесь он и замыслил спрятаться. Столы с экспонатами все еще стояли тяжелыми рядами, и мальчик, робко положив на пол портфель, стал медленно бродить между ними. Экспонаты молчали. Генка тоже. Тишина начала звенеть и даже как будто вздыхать временами по углам. В конце концов он увидел стол, на котором, чуть блестя, лежал таинственный бронзовый глаз с дыркой посередине. Шишкин поднял овальную пластинку, и в отверстии что-то блеснуло.

– Ух ты! – сам себе сказал Генка и посмотрел в дырку.

Там двигалось какое-то изображение, как в телевизоре. Только было очень мелко – не разобрать. Тогда Шишкин приблизил бронзовый глаз к своему собственному правому, и тут вдруг металлический овал сам собой впрыгнул в глазницу. Генка от такого развития событий аж зажмурился, точнее левый глаз зажмурил. А в другом он увидел прямо перед собой маску из рыжего металла. Похоже, золота. Вокруг нее плескались красно-черные языки пламени, беззвучно и холодно. Он открыл левый глаз – в нем по-прежнему был спортзал, темный и пустой, а в правом – маска.

– Назовите цифры координат места назначения! – неожиданно раздался голос прямо из маски, и ее губы слегка шевельнулись.

– Координаты ч-ч-чего? – боязливо переспросил Генка.

– Назовите цифры координат места назначения, – равнодушно опять проговорила маска.

Мальчик от такого поворота событий покрылся липким потом, и ему даже послышался легкий топот. Это по спине, похоже, побежали мурашки, а может быть, и кто-то побольше.

Но выбора не было. Маска жестким колдовским взглядом пустых глазниц лезла прямо в душу, и надо было что-то отвечать.

– Я хочу попасть в Мангазею, набрать золота и стать богатым! – неожиданного для самого себя и затаив дыхание вызываяще пискнул Шишкин.

– Назовите цифры координат места назначения! – бесстрастно и размеренно в очередной раз промолвил голос. Мальчик ладонью провел по мокрому лбу. Но страх внезапно прошел.

– Координаты... координаты... – стал бормотать Генка. – Да у меня двойка по географии, откуда я знаю?

– Назовите цифры координат... Назовите цифры координат... – безостановочно и ровно повторяла маска.

– Да ладно, ладно, пусть будет... как там, ширина, э-э...

– Широта, сколько градусов? – подсказал голос.

– Ага, градусы, как в треугольнике, там еще прямой угол был и другой – шестьдесят градусов! – обрадовался Шишкин.

– Шестьдесят градусов – принято! Северная или южная? – спросила маска.

– Опа! Да что ты докопалась! – смешавшись, проговорил Генка и наобум предположил: – Н-наверное, северная?

– Северная, принято, – равнодушно продолжил голос маски.

– И там же еще эта, не длинна, а как ее, долги́на или длинго́та, ну, ты, железяка, подскажи давай! – возбужденно почти крикнул мальчик.

- Долгота, сколько градусов? – не меня тона, среагировал голос.
- Точно, долгота, для нее будет, э-э, пусть будет другой угол! – Он махнул рукой. – Сколько там? Тридцать градусов, что ли... Этого хватит?
- Долгота – тридцать градусов, принято, – в голосе маски по-прежнему не было никаких эмоций. – Восточная или западная?
- А какая лучше?
- Восточная или западная?
- Ух, заладил, попугай бронзовый, восточная, водосточная. Или все-таки западная? – стал гадать Шишкин.
- Восточная или западная? – голос не сдавался.
- Да пускай восточная! Мне-то что! – махнул рукой Генка.
- Введите время, – проговорил голос.
- Нет, ну ты даешь! Да у меня же и по истории тоже тройка еле-еле, не помню я... – жалобно простонал двоечник.
- Введите время, – повторила маска.
- Вот же зараза! – Генка даже кулаком по коленке стукнул от досады. – Ну, ладно, чтоб давно было! Восемнадцатый век! Подойдет?
- Введите точный год. – Голос, казалось, ничто не могло вывести из себя. Хуже директора Хурси, честно говоря.
- Ну, ты замаял уже вконец, ты меня уже пятьдесят раз спросил!
- Принято, год 1750, введите день.

– Ох, как же я устал, – мальчик присел на корточки. – Отвянь, а, бронзулетка чертова!
Ладно, сегодняшний день, вот сегодня какое число?

– Принято, – с налетом язвительности проговорила маска. – Год 1750, месяц март, число первое! Санкт-Петербург, смотровой плац Семеновского полка. – И с насмешливой ехидцей пояснила: – Будущая Пионерская площадь, между прочим. Вы на месте!

Тут все закрутилось у него перед глазами, как в кино, когда в обратную сторону мотают. Все быстрее, быстрее, а потом – бац, и стоп. Генка с налета даже с корточек свалился, и лбом об пол – бабах! И тишина...

Новобранец

Чувствует Генка Шишкин, что его трясет кто-то. Открывает он глаза и ничего понять не может. Сидит он на корточках на гарнизонном плацу, недалеко от него солдаты в чудной форме маршируют, а напротив самого Генки стоит невысокий сухонький офицерик с прутом в руке. Генка только успел пластинку с дыркой в кулаке спрятать.

– Ты кто?

– Я Шишкин.

Тщедушный военный брови согнул, губы сдвинул в точку и неодобрительно покачал головой. А потом прутиком Генкин костюмчик ковырнул.

– Недоросль Шишкин! Это кто ж тебе и в какой швальне мундир пошил? Отвечать!

Мальчик испуганно приподнялся и одернул пиджачок.

– Чего? Какой мундир? – чуть заикаясь, пробормотал он. – Да не знаю я ничего!

Военный аж в ладоши захлопал – так обрадовался. Было видно, что ему так давно уже никто не отвечал. А потом счастливо засмеялся. Хотя Генка ничего смешного и не сказал.

– Ага, немогузнайка! Прощка, розги неси, – звонко прокричал офицерик, – рекрута учить будем.

Мигом подлетел здоровенный детина в мундире с пуком прутьев и Шишкина хват за шкуру. И преданными глазами своего начальника ест. Кивнул, зубом цыкнул и поволок мальчонку в сторону.

Через секунду новоявленный рекрут уже лежал на расстеленной рогоже, ничего не понимая.

– Это мы всегда рады стараться, Александр Васильевич, – басом пророкотал детина и зычно гаркнул на Шишкина: – Скидавай портки казенные, неуч! Эх, задам тебе, недотепа, ума, да в заднюю калитку!

Все, что сейчас происходило, никак не умещалось в Генкиной голове. Еще минуту назад он сидел в пустом гулком зале и разговаривал с маской из бронзового глаза. А теперь его, очевидно, приготовились пороть. То есть вместо шланга от стиральной машины теперь прутьями стегать будут!

– Детей бить нельзя! – заверещал Генка. – Я в ювенальную юстицию на вас жаловаться буду!

Тут он закрутился угрем и попытался под рогожу занырнуть. Только Прощка командиру своему сухощавому подмигнул и хлоп – ладонь штрафнику на спину. Того, как капусту гнетом, в землю вдавило. Только рот успел захлопнуть с перепугу.

– Жалуйся, жалуйся, Шишкин! – добродушно грохотнул верзила, а сам уже другой рукой Генкины штаны стягивает. Было тут от чего перепугаться – без штанов-то еще страшней!

– Дяденька, я больше не буду! – пискнул Шишкин. – Я же новенький, научи меня, как надо!

Прощкин начальник вокруг рогожи обошел, наклонился к пацану и хмыкнул. Затем выпрямился, одну руку – в бок, а другой прутиком Прощку отогнал.

– Новенький?

– Новенький, очень новенький, – взвизгнул Генка, – совсем новый!

Ему страшно захотелось, чтобы военный ему поверил. Он вскочил на четвереньки и стал отряхиваться, чтобы показать начальству свою новую школьную форму.

– Ладно, по первому разу прощаю, – усмехнулся офицерик. – Прощка, покорми отрока щами да мигом его назад на плац, я сам его учить буду!

Щелкнул каблуками двухметровый детина, улыбнулся во всю ширь и погладил Шишкина по голове. А лицо такое доброе-доброе, как у деда Мазая, что зайцев от паводка спасал.

– Пойдем, хлопчик, – как ни в чем не бывало сказал Прошка, а затем поднял за шкуру несчастного рекрута. Так они и пошли с плаца – очень большой и совсем маленький.

– Ты запомни на будущее, малец, – наставительно пробасил на ухо Шишкину великан конвоир, – Суворов немогузнаек не любит, мигом горячего под хвост подсыплет.

– Суворов? А он кто? Вот этот? Это твой командир? Тот самый Суворов? Или не тот самый?

Прошка брови сгустил и только головой по сторонам поводил. Как конь на водопое. Как будто Генка что-то плохое спросил.

– Здравсте, приехали! Он самый известный полководец! – покачал усами великан, – Суворова не знаешь? Ну, узнаешь еще!

Пришли они в столовую избу, а Прохор и говорит, что за стол чистым садиться надо. И все приговорками разными разговор усложняет. То «мытье – не мука, а к столу – наука!», то «чистая вода – для хворобы беда!». Прямо как литераторша перед контрольной за четверть. Но выбора у Генки не было, потому что розги, как и стиральный шланг, маячили где-то недалеко, и их еще никто не отменял. По крайней мере в этом месте.

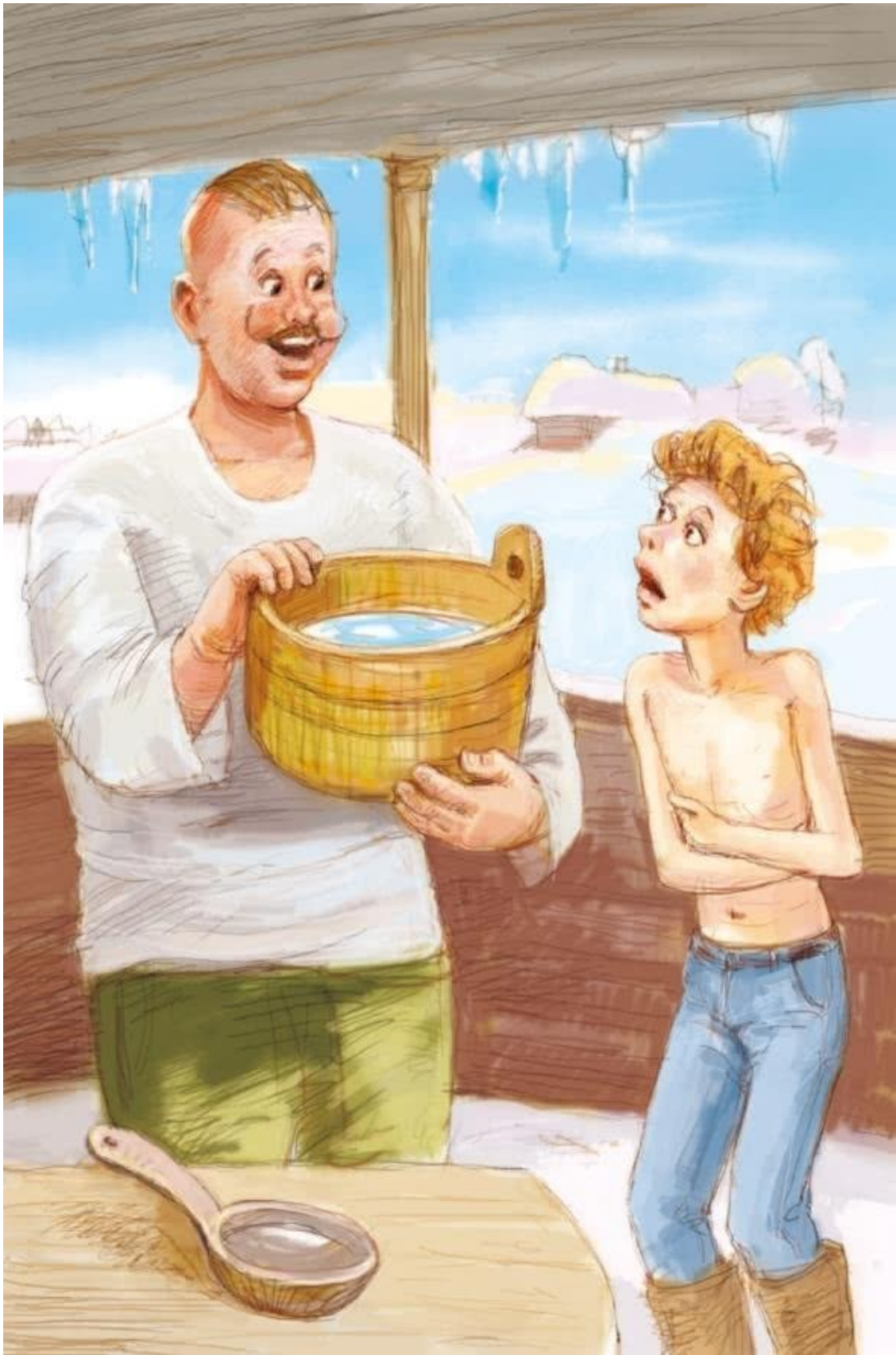
– А где ванная-то? Как руки мыть?

Прошка, как жираф на муравья, посмотрел с двух метров на Шишкина и гаркнул:

– Скидавай одежду! Сурьезно мыться будем!

Шишкин аж подпрыгнул. Вот еще не хватало! Голым, что ли, за стол садиться?

– А зачем одежду-то снимать?

Только такого верзилу вопросом не перешибешь. Грудь колесом выкатил, усы расправил и опять приговорку – бац!

– Так Суворов велит – кто закалит дух, тот осилит двух! Вот мы сейчас и тебя, малец, закалим и помоем заедино.

Сказал и с себя мундир и рубаху стянул. Пришлось и мальцу всю школьную форму снимать. Он даже валенки скинул на всякий случай и под лавку сунул.

Вывел затем Прошка Шишкина в одних трусах на крыльцо, а там на лавке ушат, полный воды. Генка палец в воду вставил – мамочка моя, а она вся насквозь ледяная. А детине это нипочем – взял он ушат за деревянные уши и вылил половину прямо на голову. Сначала себе, с кряканьем и присядкой, а потом вторую половину и на рекрута новоявленного – бултых! Все до доньшка! Завизжал Генка, подпрыгнул, как тушканчик, к небу и назад – в избу. А глаза зажмурены. И как с перепугу об косяк звезданется...

Завершал он, руками замахал и... очнулся в спортзале на полу, а вокруг него одноклассники столпились и с испугом смотрят, а над ним Лерка Малютина с первой парты склонилась с лейкой для цветов и воду на лицо ему льет. Как будто он грядка какая!

– Ты сдурела, что ли, Малютина! – закричал Генка и вскочил. И сразу за лоб схватился. А там, на лбу, у него ярко-красная волдырина наливается. Наощупь так с пол-яблока будет, если не больше.

– Это я тебя нашла, Шишкин, – с улыбкой сказала Малютина, – ты об шведскую стенку шишку себе набил.

И опять стала воду лить прямо на лоб. Генка выхватил у нее лейку и отбросил в сторону. У него и так уже за спину затекло, а она все льет! Но девочка не успела обидеться, потому что что-то привлекло ее внимание внизу, под ногами.

– Ой, а тут монетка! – вскрикнула Лерка.

Она наклонилась и подняла с пола какую-то блестящую бляшку. Это был бронзовый глаз шамана, который выпал из Генкиной глазницы и валялся теперь рядом с ножкой стола.

– Дай сюда, Малютина, это не твоя! – крикнул Шишкин и выхватил глаз из Леркиных рук. Она чуть надула губы, но он быстро приложил холодную пластинку к багровому бугру на голове. Так мама всегда ему говорила, чтобы пятак медный прикладывать, когда он себе шишки набивал.

После школы Генка шел домой вдвоем с Женькой Раскиным. Болтали о том и сем, и вдруг Генка и говорит:

– А ты знаешь, где я сегодня оказался?

– Где?

– Прямо у Суворова в войске!

– Да, хорошо ты в спортзале в темноте об шведскую стенку саданулся! Почти до Швеции долетел!

Женька засмеялся, но это не было обидным. Кто же поверит в такую ерунду. Такое только в сказках, да и то не всегда.

– Не, точно, и он меня чуть розгами не высек! – Генка старался быть убедительным и даже показал, какое место ему Суворов собирался высечь розгами. Но это не сработало. Раскин залился хохотом еще пуще и покрутил пальцем у виска. Сначала своего, а потом и Генкиного.

– Это у тебя глюки были, как в компьютере, – он сделал рожу, чтобы показать, какие бывают глюки в компьютере, – они могут запросто опять повториться, так мой отец говорит.

Но Генке было не до смеха. Суворов и Прошка в его видении были самыми настоящими, да и розги тоже. И он отмахнулся.

– Да ладно!

– Точно тебе говорю, он всегда компьютер перегружает, когда тот у них на работе глючить начинает.

Генка насупился. Ему очень не хотелось признавать, что все это был сон или тем более иллюзия. Так ведь и за сумасшедшего могут принять. Ему сразу пришло в голову из литературного Горького: «Рожденный ползать – ползет в психушку». Ой-ей-ей!

– И что делать?

– Может, тебя тоже, это, перегрузить?

– Как это?

– Давай я тебя портфелем по голове стукну, и все сразу же переустановится!

Такого он от своего друга, Женьки Раскина, чуть ли ни самого лучшего, не ожидал. Но Раскин уже загорелся. В позу встал и портфель на вытянутой руке назад отвел. Чтобы с размаху и надежно.

– Я тебя самого сейчас перегрузу между глаз! Тоже мне, друг называется.

– Да ладно, не бойсь, я не сильно!

Не успел Генка сообразить, как Женька Раскин размахнулся и шмяк Шишкина по голове, тот и сел на снег. Звезды из глаз у него посыпались, в мозгах трясение, так что он и глаз боится открыть.

Пленный физик

– Ага, так тебе понравилось?

Раскрыл глаза Шишкин, а перед ним опять Прошка стоит и простыню махровую держит. Схватил он Генку и давай тереть и приговаривать:

– Кто ж тебе такую гулю на лоб посадил?

– Кто-кто, сначала сам об косяк, а потом друг мой Женька, портфелем, – буркнул Шишкин, а потом извернулся волчком и выскочил из Прошкиных объятий. – А как я сюда опять-то попал? Без бронзового глаза? Без координат и времени!

Но вся эта белиберда про глаз и координаты Прохора не интересовала. Ему Суворов приказал недоросля накормить – значит, надо выполнять. Приказ есть приказ. Великан добродушно расправил усы и подтолкнул пацана к двери в столовую избу.

– Крепко же ты, малец, головой-то приложился.

Генка стал молча одеваться и в мозгах его творился полный сумбур. Вот же Раскин, зараза! Так ведь не должно было случиться! Пластинку же никто в глазницу не вставлял. Более того – шаманский амулет лежал у Генки в кармане, и он же даже с маской не поговорил. А ведь хотелось спросить, куда это она его заслала. Да и вообще, что это такое с ним творится. Шишкин полез в карман за бронзовой пластинкой и похолодел. Бронзовый глаз шамана исчез! Да неужто он здесь навсегда застрял? А двойка по физике за полугодие? Ее же исправлять надо!

Прошка разливал по глиняным чашкам шипящий свекольный квас и что-то говорил, но мальчику было не до него. Он стал шарить по всем закоулкам своего костюмчика, даже в валенки заглянул. Амулета не было нигде...

– А ты, часом, не эту бронзулку сыскать хочешь? – Дитина-солдат крутил в могучих пальцах заветную вещицу.

– Да! – только и выдохнул с облегчением новый рекрут Суворова.

– Держи, да смотри опять не оброни, – осклабился Прошка. – Поди, от дедов досталась, такую цацку беречь надо, как зеницу. Она на зеницу-то и похожа по всему.

– Это глаз! – крикнул Генка. – Бронзовый глаз, который археологи нашли!

– Архи кто? Церковные, что ли? – Прошка наморщил лоб. – Архиерей – знаю, архидиакон – тоже знаю, даже архиепископ – знаю. Большой человек! Архивологи – нет, не знаю.

– Да не важно это! – огрызнулся Генка, запихивая свою диковину в карман.

– Еще как важно! – нахмурился солдат. – Раз духовники им одарили – оберег это, от вражьей пули тебя стеречь будет, когда в атаку пойдешь. Да и от штыка с сабелькой охранит! А ты – не важно!

Шишкин молча дохлебал щи, закусывая ароматной краюхой, выпил залпом квас и встал. Что делать дальше, было совершенно неясно, и он вопросительно посмотрел на великана.

– А теперь ступай к Александр Васильевичу, не резон тебе по военной части ротозеем шляться! Когда солдат шеей крутит – только воду мутит! Так что давай! – Прошка махнул рукой по направлению солдатского плаца. – Рад, поди, под руку самому Суворову попасть?

Генка со вздохом кивнул. А куда деваться-то? Только на плац идти не очень хотелось. Там, как заводные, вышагивали солдаты в зеленых мундирах с обшлагами, в высоченных кожаных сапогах и с диковинного вида ружьями. Поэтому он чуть замешкался и добавил:

– Н-не знаю! Он ведь и выпороть может! Мне бы лучше в Мангазею, за золотом...

Но его новый наставник вдруг стал серьезным и даже посуровел:

– Ну, нерадивому солдату и хворостины не жалко, а вот толковому – честь и хвала, понял, молодец?

Молодец опять только кивнул. А что тут скажешь?

– А честь, она дороже золота! – продолжал Прошка, подняв указательный палец, совсем как классная руководительница на родительском собрании. – На самом деле голову-то беречь надо, ум для солдата, он как Москва для России, главней некуда. А ты портфелем по лбу – прям умора.

Генке не хотелось идти маршировать, он как раз за это и не любил физрука со своей физкультурой, и он тянул время.

– Да это не я, это Женька. Ну, я ему еще в лоб-то засвечу, когда вернусь!

Солдат встал, облизал ложку, затем миску и протер кусочком хлеба чашку из-под кваса. Генка понял, что здесь так моют посуду после еды, и проделал то же самое. Прошка одобрительно наблюдал за всем этим, а потом добродушно добавил:

– В лоб засветить – это святое дело, мозги светлей станут! Просвещение называется! – Он вышел из-за стола и подтолкнул Шишкина к выходу. – А теперь беги на плац, там тебя Александр Васильевич уже ждет!

– А можно я домой?

– Не, сначала учение, а уж потом как Суворов решит! Марш отседа!

На плац Генка побежал трусцой, да не рысью. Все-таки боязно, кругом солдаты маршируют, делают артикул ружьями и колют соломенные чучела блестящими штыками. Страшно, но жутко интересно. Он и про золото мангазейское позабыл. А тут вдали вдруг как бахнет что-то. И сразу дым клубами. Это же пушки бахают! Генка аж присел со страху. А потом достал волшебный глаз из кармана, посмотрел в дырочку, а глаз-то не работает – через дырку только солдат и видит.

– Что ж, ты, бронзулетка противная, сломалась, я же домой хочу!

Но глаз молчал. Пришлось Генке дальше идти, и он поспешил к группе офицеров, разодетых, как попугаи в зоомагазине, в яркие разноцветные мундиры, шапки и шляпы с перьями, и у каждого сбоку шпага в кожаных ножнах.

– Здравсте, дяденька, – немного фамильярно проговорил он Суворову, который сидел за столом и рассматривал карты. – А вы тут главный?

Суворов, тот самый сухонький офицерик с прутком, встал со складного стульчика, исподлобья взглянул на Генку, а потом резким голосом прикрикнул:

– Что? Как приветствуешь командира, рекрут? – И прутик из сапога вытащил. – Еще раз!

Генка вдруг сам собой крутнулся винтом, отпрыгнул на пару метров и, уже по-солдатски чеканя валенками шаг, подошел к столу. Здесь он отдал пионерский салют и даже топнул ногой для полноты эффекта.

– Рекрут Шишкин явился!

У полководца глаза округлились – это что еще за диво заморское?

– Являются только черти к пьяницам, а настоящий гренадер приветствует командира так: «Здравия желаю, ваше высочородие!»

У Генки по спине аж дрожь пробежала. Он неожиданно для самого себя вытянулся стельком и гаркнул:

– Здравия желаю, ваше высочородие!

Суворов сразу подобрел, потрепал новобранца по плечу и опять уселся на стульчик.

– Вот теперь молодец, ну, здравствуй, орел! Каким наукам учен?

– Химия, физика, геометрия, русский язык, физра, биология, только у меня по ним с двойки на тройку...

Полководец слегка нахмурился и прервал длинную тираду:

– Так-так, хватит пока, а ну-ка, иди сюда, недоросль Шишкин. Вот видишь, вот здесь замок Ландцкорн, а вот неприятель. Левый фланг замок защищает, а справа и по центру крутой склон, – Суворов стал прутиком водить по карте, показывая, что и где нарисовано. – Говоришь, геометрию изучал, а скажи-ка нам, вот у генерала Дюмюрье, нашего противника, тут

пушки стоят, а тут и тут в засаде стрелки. Если мы в лоб пойдем, смогут наши солдаты до редута добежать, если пушка перезаряжается четыре минуты. Разница по высоте сто пятьдесят метров. Крутизна склона тридцать градусов.

Генка растерялся. Вот уж кому скажи, что знаменитый командир, легенда, так сказать, всего русского оружия, начнет задавать задачки по геометрии – никто не поверит. Ерунда какая-то.

– Да мы же только свойства окружности прошли да треугольники, а тут их нету!

Суворов топнул ногой и скорчил брезгливую гримасу.

– Значит, не можешь ответить? – Он развернулся к стоящим сзади офицерам. – Выдать тесак солдату Шишкину и послать в атаку!

Затем схватил его за плечо, кругом крутанул и вытолкнул из палатки. А напоследок крикнул:

– И помни, солдат, быстрота и натиск решают все!

Стоит Генка на поле с сабелькой в руке, а напротив поляки с французами. Что делать? Как быть? И тут мимо него галопом скажут драгуны с казаками, свистят, кричат, шашками машут. Сначала Генке страшно стало, он за куст спрятался, а потом выглянул – бегут враги. А которые не бегут – руки вверх подняли. И он тоже вперед побежал. Залез на редут и видит: сидит учитель по физике Лукьянов Константин Маркович в польском жупане и тряпочкой белой машет. Подбежал к нему Генка Шишкин и как закричит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.